

Канарейки

В 2014 году на ПМЖ в Израиль уехали 4685 россиян. Рост больше чем в два раза. Но гораздо существеннее, что в 2014-2015 годах изменились не количественные, а качественные показатели алии из России: репатриант сильно помолодел, поумнел (получил высшее образование), и теперь он почти всегда москвич.

Корреспондент Радио Свобода узнал, почему они уезжают из страны.

Один из самых ранних способов обнаружения в шахтах рудничного газа долгие годы заключался в использовании ...канареек. Канарейки очень чувствительны к газам, в том числе метану и угарному газу: они гибнут даже от незначительной примеси в воздухе. В прежние времена рудокопы часто брали клетку с канарейкой в шахту и во время работы следили за птицей. Если она внезапно начинала проявлять признаки беспокойства и падала, люди поспешно покидали выработку. К тому же эти птички имеют свойство постоянно петь, что являлось звуковой сигнализацией: пока слышалось пение, можно было работать спокойно.

Улица Большая Ордынка. Раннее утро. У дома 56 собирается очередь, человек 50-60. Голова очереди упирается в молчаливого сурового мужчину в темных

очках с кудрявыми черными волосами и сложенными за спиной руками; из уха у него торчит наушник. Ровно в 9 утра к мужчине выходит его коллега, достает списки и что-то тихо бормочет в рацию. Очередь начинает медленно двигаться вперед: мамы с колясками; пожилые семейные пары, трогательно держащие друг друга за руки; знакомые лица из журналов; татуированные с ног до головы студенты; уверенные в себе успешные бизнесмены в пошлой остроносой обуви; знакомые лица из газет; близорукие старомодные интеллигенты, кажется, только-только приехавшие с фестиваля бардовской песни; знакомые лица из телевизора; дамы в леопардовых блузках с молодыми мужьями; подростки; одинокие женщины с филологическим образованием в глазах...

Людей тщательно обыскивают и по одному запускают в здание. Посольство Израиля в Москве начинает свой ежедневный прием репатриантов из России. И такого наплыва желающих здесь не помнят давно.

Московский журналист и драматург Михаил Калужский в очереди оказался в сентябре 2014-го. Именно тогда количество россиян, желающих получить израильское гражданство, выросло в два с половиной раза по сравнению с любым другим годом после конца девяностых.

— Я хотел совершить алию с мамой еще в 1991-м. Но будучи на четвертом курсе университета, решил сначала закончить вуз. К моменту получения диплома в стране произошли необратимые изменения. И мне показалось, что все самое интересное сейчас происходит в России. Зачем уезжать?

Но теперь точно хочу уехать: во-первых, мой рабочий инструмент — это русский язык, и он не требует моего постоянного присутствия в России. Во-вторых, когда окружающее политическое, бытовое, эмоциональное пространство отторгает тебя, то надо уезжать. Для меня наш отъезд напрямую связан с политикой. Было два обстоятельства. Первое: я в январе прошлого года поехал на Майдан. Я там был, когда горела улица Грушевского, много разговаривал с разными людьми. И понял одну важную вещь, но не про Украину, а про Россию: наш протест ничего не стоит. После Болотной у нас люди шли в «Жан-Жак» (кафе в Москве). А с Майдана люди не уходили никуда вовсе, до победы. Параллельно происходили ужасы в

Сахаровском центре, с которым я был профессионально связан. Как только в России начались разговоры об иностранных агентах, западные фонды сказали, что не могут больше финансировать то, что может закрыться завтра. И к концу 2014 года денег у центра на театральные проекты, которыми я занимался, не было вообще. Еще одно важное обстоятельство, сыгравшее роль в моем переезде, — это Крым. После Крыма у нашей семьи возникло желание от этого всего дистанцироваться. Прежде всего — от государства.

Итак, Израиль...

— В аэропорту им. Бен-Гуриона нас ждало бесплатное такси, которое отвезло туда, куда мы сказали. Мы на неделю поселились в центре Тель-Авива, чтобы было удобно добираться до всяких неизбежных госучреждений. Оформление документов заняло дня четыре. Были очереди. Была неготовность чиновников работать быстро, потому что Израиль — очень расслабленная страна. Например, первая фраза, которую мы услышали в аэропорту, когда прилетели и поняли, что забыли часть необходимых для оформления паспортов бумаг в багаже, была такой: «Расслабьтесь, в этом нет никакой трагедии». Израильская бюрократия вообще работает под этим лозунгом. Оформив страховку, открыв банковский счет и зарегистрировавшись в Министерстве абсорбции, мы переехали в Рамат-Ган, потому что там жилье дешевле. Сына мы отправили в детский сад, чтобы он сразу окунулся в среду. В нашем садике почти нет русскоязычных детей. И наш сын заговорил на иврите довольно быстро.

Израиль, вероятно, единственная страна в мире, которая выдает своим гражданам два вида загранпаспортов. Через три месяца после переезда гражданин получает право на временный проездной документ — лессе-пассе. Через год — на постоянный — даркон. А вместе с ним — право безвизового въезда в более чем 40 стран. «Огнедышащий даркон» — заветный документ для репатриантов новой волны из России, ради которого многие и затевают алию.

Сотрудник Министерства абсорбции Израиля профессор Зеэв Ханин говорит, что израильские чиновники все прекрасно понимают: новый репатриант — особенно из России — часто получает гражданство не из большой любви к

Израилю, а скорее, на всякий случай. Впрочем, эффективная израильская формула «расслабьтесь, в этом нет никакой трагедии» широко применяется и здесь:

— Разговоры о том, что раньше волны были как волны, море как море, а теперь все не то — это разговоры каждого поколения репатриантов. Это чисто израильская традиция говорить: «Вот когда мы приехали, тогда было да! А тут приехали на все готовое». Я сам неожиданно оказался старожилом. А старожилом ты становишься, когда прибывает следующая волна, вне зависимости от того, сколько времени прошло. Я сам прекрасно помню наши дискуссии начала девяностых с репатриантами 70-х годов. В любой волне репатриации есть оппортунисты, а есть идейные.

Вне зависимости от того, какими мотивами руководствуются люди, когда сюда приезжают, по прошествии четырех лет они вполне себе израильтяне. Поэтому мы приветствуем алию в любом ее виде.

Профессор Ханин обращает внимание на то, как изменился портрет репатрианта из России:

— В конце девяностых две трети репатриантов были из периферии. Из очень маленьких городов. А вот нынешняя алия — это выходцы из Москвы и Питера. Мы наблюдаем, что средний уровень образования растет, доля обладателей гуманитарных специальностей выросла колоссально. То есть сегодня репатрируется в основном креативная интеллигенция. Репатриант из России заметно помолодел — едет гораздо больше молодежи, чем это было, скажем, с 1998 по 2008 год.

Основатель издательского дома «Коммерсант» и проекта «Сноб» Владимир Яковлев совершил свою алию семь месяцев назад. Вместе с женой он поселился в старой части Тель-Авива — Яффо (во всем доме у него самый зеленый балкон). Но иногда ему кажется, будто бы никакого переезда и не было, потому что вместе с ним в Тель-Авив перебралось пол-Москвы:

— Мой круг общения здесь почти полностью совпадает с московским. Мы живем в одном доме с друзьями из Москвы. Я встречаю на улице людей, которых постоянно встречал в Москве. Потому что те, у кого есть возможность

сделать документы в Израиль, делают документы в Израиль. Это даже не каждый второй, а каждый первый. И знаете, по-настоящему надо говорить не об эмиграции. Эти люди — беженцы. Люди обычно эмигрируют в бытовых обстоятельствах. А сейчас они уезжают, потому что боятся быть там, где они хотели бы жить. Они бегут из России.

Загорелый, расслабленный, слегка взъерошенный, в вудиалленовских круглых очках Яковлев без колебаний называет своей родиной Израиль и спустя семь месяцев после переезда не может найти ни одного существенного минуса — кроме страшной жары в июле и августе — в этой новой жизни:

— Когда приезжаешь в Израиль, то испытываешь невероятное по силе и теплоте ощущение. У меня такого не было никогда. Тебя очень поддерживают, помогают. Первые два месяца, когда я ходил по улицам, люди, узнававшие, что я совершил алию, отвечали мне все одно: Welcome home. От этого хотелось рыдать. Это обычные таксисты. Продавцы в магазинах. Кто угодно. Тебе просто рады. Израиль — это добрая и понимающая страна. Мне кажется, что очень большая проблема в сегодняшней России, из-за которой я в большой степени и уехал, — это то, что у нас разрушена система ценностей.

Он хорошо знаком со статистикой Министерства абсорбции (эту статистику видно с его зеленого балкона). Количество и качество новой волны репатриантов из России, то есть из Москвы, его не удивляет:

— Мы говорим с вами о молодой интеллектуальной элите страны. Для любой цивилизованной страны мира — это самая большая ценность. Россия в силу какой-то общей беды, в силу гигантской сырьевой базы, которая является проклятием, может позволить себе и позволяла всегда пренебрежительно относиться к интеллектуальной элите. Вопрос только в методах. Сталин интеллектуальную элиту расстреливал. Брежнев интеллектуальную элиту маргинализировал. Путин интеллектуальную элиту выгоняет из страны. И то, что она принимается Израилем, — прекрасно.

— У меня нет ощущения, что современные репатрианты — оппортунисты, — продолжает Владимир Яковлев. — Никто не обязан тратить свою жизнь на российскую хуе...у. Не надо этого делать. Израиль — это страна стартапов.

Деньги здесь зарабатывать можно. Один мой знакомый рассказал фантастическую вещь: за последние 20 лет из России уехали сотни тысяч человек в разные страны. Если даже очень приблизительно посчитать подоходный налог, который эти люди платят сегодня в странах, ставших для них родиной, эта сумма в десятки раз превышает сегодняшней доход России от нефти. И этим сказано все, на мой взгляд.

Драматург Михаил Калужский, обосновавшийся с семьей в Рамат-Гане, привыкает к жизни на Ближнем Востоке. Не без трудностей:

— У меня, например, есть вопросы к банковской системе Израиля. Сотрудники ленивые и неповоротливые. Кредитка, которую я заказывал в банке через дорогу от моего дома, шла мне по почте три недели. Потому что положено кредитки присылать по почте, а не в руки давать в окошечке. Израиль — дорогая страна. Запредельно дорогая. Ценник в Тель-Авиве сопоставим с московским. Фрукты и овощи на рынке дешевые, но другая еда дорогая. Дорогая аренда жилья. Дорогой транспорт. Дорогие рестораны.

Дальше: в Москве я периодически ходил в синагогу. Мне было это важно. Но когда ты сталкиваешься с этой повседневностью в Израиле, то начинаешь относиться к этому иначе. Сначала иронично. Потом — с раздражением. Не работающий в шабат общественный транспорт — это вообще как? Вот светские израильтяне платят налоги, в том числе и для того, чтобы общественный транспорт был всегда. Но есть другая сторона. Став гражданином Израиля, я получил ту степень свободы, которой у меня никогда не было. В том числе благодаря безвизовому въезду во многие страны. В ноябре я был в Германии с шенгенской визой. А чуть позже ездил в Германию уже с израильским загранпаспортом без всяких виз. Приятное новое ощущение. Мне нравится, как устроена израильская медицина: мы записываемся на прием к врачу в интернете. Приходим. Никаких очередей. Все почти бесплатно, мы платим копейки только за какие-то специальные процедуры.

Калужский выписался из московской квартиры, продал всю свою недвижимость в России, его центр жизненных интересов теперь в трех с половиной часах лета от Москвы. Возвращаться обратно он не планирует:

— Наши соотечественники в большинстве своем, к сожалению, являются гарантией того, что после этого Путина будет какой-то другой Путин. Уровень агрессии и насилия, который делает Путина Путиным, никуда не денется. Я другого выхода не вижу... поэтому и переместился. Я не уверен, что ситуация в России когда-нибудь кардинально изменится. Я скорее могу представить, что в Риге, Берлине, Тель-Авиве, Черногории возникнут какие-то интенсивные центры русской культурной жизни, которые, может быть, не будут важными источниками вдохновения для сотен тысяч людей. Но для сотен и тысяч — да.

Роман Супер, Радио Свобода